

ЧАСТЬ 1

АНЮТКИНА БЕРЛОГА

ПОДВИГ ПОТАПА ПОТАПЫЧА

ГДЕ-ТО ФЕВРАЛЬ

Зима казалась вечной. Февраль жадно проглотил последние крошки солнечного света, застывшие на продырявленном ледяном щите Ладожского гиганта. Но озеро стерпело и это. Куда сильнее его тяготили Анюткины слёзы.

Девочка стучала синими от холода кулачками по стеклу набирающего скорость автомобиля и беззвучно кричала: «Мама. Мама... Мама!» Но мама умерла днём раньше. От голода и ещё какой-то неизвестной заразы. И всё, что осталось от неё на память, так это плюшевый мишка в клетчатой рубашке, с глазами из разных пуговиц и красной ниткой улыбки до ушей. Звали его Потап Потапычем.

Когда Аня засыпала, мама укладывала Потапыча рядом на подушку и пела дочке колыбельную:

*Спать не хочет бурый мишка,
Вот такой он шалунишка.
Я топтыжку покачаю,
Баю-баю, баю-баю.
Ты ложись-ка на кроватку,
Спи, мой мишка, сладко-сладко...*

Мамина мелодия крутилась у Анютки на устах на протяжении всего этого изнуряющего пути. Сегодня и она покидала родной Ленинград по ледовой Дороге жизни, проложенной по Ладожскому озеру во имя спасения.

Дело в том, что Ленинград попал в блокаду. Это случилось в 1941 году, с началом Великой Отечественной войны. Фашистские войска напали на Советский Союз. Испепеляя всё на своём пути, в бой их вёл человек с волчьим именем и голодным оскалом. Весь мир трепетал перед одним его взглядом. Города и страны сами открывали

ему свои ворота, безропотно покоряясь. Вот только он не учёл одного:

— Мы будем держать оборону до последнего солдата! За Ленинград! — пообещал Анюткин отец и в составе стрелковой дивизии добровольцем ушёл на фронт.

Вскоре в семью Шишковых с первым жёлтыми листьями прилетела похоронка: Анюткин отец погиб на Невском пятачке. А блокадное кольцо всё не слабело. В небе над Ленинградом день и ночь кружили фашистские истребители, сбрасывая бомбы куда ни попадя. Голод и нищета множили страх и болезни среди мирных жителей. Люди умирали на улицах от холода, обстрелов. Но город жил! По-прежнему ученики ходили в школу. Мама Анютки трудилась учительницей младших классов. В театрах до хрусталя прозрачные актёры давали спектакли. Работал и ленинградский зоопарк. О Дороге жизни Анютка слышала от приятельниц в школе, но и подумать не могла, что сама однажды отправится в неизведанный путь. Никто не знал, сколько ещё продлится война. Скольких

людей унесут болезни и голод. Дорога жизни, которую между собой офицеры величали Военно-автомобильной дорогой под номером 101, вела к вокзалу, а там в Сибирь. В тыл, в укрытие, где хозяева севера могли и приютить, и обогреть измученных матерей, стариков и детей.

Анютка глядела через серое окно на вереницу чёрных машин, где ехали такие же, как она, ленинградцы, и плакала. Далеко за февральской моросью, в густых клубках бесконечного дыма, в тесном дворике на старой Фонтанке, где-то между кустом поредевшей сирени и жёлтыми качелями осталось её детство. Ещё немного, и она бы выломала автомобильное стекло, понеслась обратно без шапки, без шали. Но небо содрогнулось. Ладога застонала. Тучи прорвала стальная стая крылатых акул — вражеские истребители «мессершмитты».

— Не бойся, мишенька, — прошептала девочка и закрыла ладошкой Потапычу глаза.

— Держись там, — скомандовал офицер за баранкой, — вырулим, — и дал газу.

Истребители открыли по Дороге жизни огонь. Молодой офицер ловко лавировал между рыжими комьями вспышек. Анютка зажмурилась и повторяла: «Не бойся, не бойся... как страшно!» В этот миг с неба в автоколонну полетели снаряды. Загрохотало. Ударная волна разбила Анюткино стекло, и с оглушительным писком осколки посыпались в кабину. От ужаса девочка потеряла сознание. И дальше всё, как в бреду. Возня, крики, туман, стук колёс, напоминавший биение большого горячего сердца. Анютка очнулась в эшелоне. На станции Большая Лапа. Перед ней лежал непохожий на себя Потап Потапыч. Могло показаться, что его растрепали собаки или целая стая нильских крокодилов. Но Анютка знала наверняка, что все эти плюшевые тряпки с ушами и треугольниками пёстрых заплат и есть её мишка.

— Он спас тебя. Ценой своей жизни. Осколки как полетели-полетели, а он всё

на себя принял. Теперь чини, — неожиданно сказала седая женщина в полосатом пальто. — Мы с сестрой ехали с тобою в машине, но ты внимания на нас не обращала. Я — Клавдия. Мы с Людмилой на следующей станции сойдём. Там, говорят, и работу дадут. А ты, красавица, приехала!

— Куда? — собирая по тряпицам Потапыча, прошептала Аня.

— В Сибирь.

— А Ленинград? Далеко до Ленинграда? — дрожащими губами произнесла девочка.

— Если верить машинисту, почти три тысячи километров, — улыбнулась тётка Клава. — Выходи давай, тебя ждут. погоди, вот, — и она сунула Анютке в руку скомканный листок, где синими поблекшими чернилами кто-то красиво вывел «Анна Иванна Дубовская. Будет в тулупе с красной звездой. И валенках на босу ногу».

— Что это значит? — вжавшись в скрипучую полку, спросила Аня.

— Так! Кто здесь Шишкина Анна Брониславовна? — строго позвала ворвавшаяся в вагон проводница. — С вещами на выход. Вы спасены. Вас ожидают!

— Я не хочу на выход. Я домой хочу, — на ходу протараторила девочка. Но не успела она зацепиться за дверцу поезда, как оказалась в Большой Лапе. Поезд загудел, колёса по-совиному заухали, деревянные шпалы подняли в воздух ядрёный запах прошлогодних трав и чужой земли. Ветер сжалился над гостьей и махом переоделся из северного в южный. Ласково уложил растрепавшуюся Анину чёлку с боку на бок. Аня запахла своё не по сезону тонкое голубое пальто и услышала:

— Ну, здравствуй! Я Анна Иванна. Тётя Нюра. Стало быть, мы с тобой тёзки. Добро в Сибирь пожаловать! Давай грузиться, а то простынешь!

Лучи сибирского янтарного солнца ослепляли. В воздухе кружили озорные мухи — снежинки. И незнакомая женщина, назвавшая себя Анной Ивановой, явно претендовала на роль доброй феи из сказки про Золушку.

Только Аня ей не верила. Она вообще больше не верила в сказки. Женщина тем временем протянула к ней руки. Широкие и сухие, чуть желтоватые ладони напоминали кленовые листья. Анна Иванна была коренной сибирячкой, с виду лет шестидесяти. С густыми пепельными волосами, обрезанными по уши, с крупными, утрированно чёткими чертами лица и рысьими зелёными глазами. На ней и впрямь оказался тяжёлый овечий тулуп нараспашку, из-под которого виднелось летнее платье, усыпанное мелкими васильками. Голову покрывала бобровая шапка-ушанка, а на голых ногах красовались добротные валенки.

Аня и представить не могла, что обувь зимой можно носить на голые ноги, да ещё почти что в лесу. Но Анна Иванна ничуть не замёрзла, напротив, от неё исходило такое тепло, каким разом можно было обогреть все дома Ленинграда. Понимая это, Аня отчего-то скупно и чуть пятась, сказала:

— Мы не тёзки. Анна Брониславовна, будем знакомы. Меня к вам надолго?

Анна Иванна и виду не подала, что смутилась, а лишь с лёгкостью подхватила Анюткин худой саквояжик и, зашагав к видавшему виды грузовику, бросила:

— Война закончится — домой поедешь! Прыгай в тачку.

— А она закончится? — оглядываясь на опустевшую железную дорогу, пробубнила девочка. И вяло заползла в зелёный грузовик. Тётя Нюра уже сидела за рулём и без какой-либо обиды наблюдала за гостьей.

— Закончится-закончится. Я тебе больше скажу: наши победят. И Ленинград твой никуда не денется. Выстоим! — сказала сибирячка и, затворив дверь, завела мотор. Поехали.

Анютка, отвернувшись к заснеженному окну, озлобленно пробурчала:

— А что вы знаете о войне в своей Сибири? Сидите тут в *тылу* в своих вот этих тулупах, тепло вам. Солнце у вас вон какое, всё солнце яркое себе забрали. В Ленинграде ни лучика... В Ленинграде война! А мама и папа... — и тут девочка зарыдала. И так горько, что тётя Нюра хотела

сначала её пожалеть, как-то за Сибирь оправдаться. Да вместо этого тихо запела:

Там, в саду, при долине громко пел
 соловей,
А я, мальчик, на чужбине позабыт
 от людей,
Позабыт-позаброшен, с молодых
 юных лет
Я остался сиротою, счастья-доли
 мне нет...

Анютка не слушала. Она смотрела на снежную дорогу и примерно прикидывала, что до Ленинграда отныне не около трёх, а наверняка больше трёх тысяч километров.

— А это что у тебя за тряпка? — вдруг, как сквозь сон, гаркнула тётя Нюра.

— Это не тряпка! А Потап Потапыч...
Он герой! Починить бы его...

— Починим героя! — рассмеялась тётя Нюра и повернула руль вправо.

